

Научная статья

УДК 343.14

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25

Новосёлова Антонина Николаевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
antonina40@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0867-9268>

Лияскина Евгения Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
ljaskinaj747@gmail.com

**ВЫЯВЛЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВОГО
ВЛИЯНИЯ НА РУССКУЮ УСТНУЮ РЕЧЬ ИНОФОНОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Аннотация. Интенсивные миграционные потоки в Россию, связанный с ними рост числа преступлений, совершаемых международными преступными группами, актуализируют такое направление фоноскопического исследования как диагностика языкового происхождения диктора по признакам его звучащей речи. Целью настоящего исследования является выявление признаков киргизского языкового влияния на русскую устную речь инофонов, которые могут быть обнаружены при проведении фоноскопической экспертизы, с целью установления вероятного родного языка диктора. Применяя перцептивные, лингвистические и акустические методы анализа голоса и речи киргизов, говорящих по-русски, авторы исследования описали признаки языковой интерференции киргизского языка на русскую устную речь инофонов. Результаты: установлен комплекс признаков, который с высокой долей вероятности свидетельствует о том, что киргизский язык или, по крайней мере, один из тюркских языков кыпчакской подгруппы является родным языком инофона.

Ключевые слова: языковая интерференция, фоноскопическое исследование, источники формирования речевых навыков, киргизский язык, русская устная речь, русско-киргизское двуязычие

Для цитирования: Новосёлова А.Н., Лияскина Е.С. Выявление диагностических признаков киргизского языкового влияния на русскую устную речь инофонов при проведении фоноскопической экспертизы / А.Н. Новосёлова, Е.С. Лияскина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 326–337.

Original article

Novoselova Antonina Nikolaevna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
antonina40@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0867-9268>

Liyaskina Evgeniya Sergeevna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
jlijaskinaj747@gmail.com

DETECTION OF DIAGNOSTIC SIGNS OF THE KYRGYZ LANGUAGE INFLUENCE ON THE RUSSIAN ORAL SPEECH OF NON-NATIVE SPEAKER DURING THE PHONOSCOPIC EXAMINATION

Abstract. Intensive migration flows to Russia, the associated increase in the number of crimes committed by international criminal groups, actualize such a direction of phonoscopic research as the diagnosis of the speaker's linguistic origin by the signs of his sounding speech. The purpose of this study is to identify signs of the Kyrgyz language influence on the Russian oral speech of non-native speakers, which can be detected during a phonoscopic examination, in order to establish the likely native language of the speaker. Applying perceptual, linguistic and acoustic methods of analyzing the voice and speech of Kyrgyz speaking Russian, the authors of the study described signs of linguistic interference of the Kyrgyz language on the Russian oral speech of non-native speakers. Results: a set of signs has been established, which with a high degree of probability indicates that the Kyrgyz language or at least one of the Turkic languages of the Kipchak subgroup is the native language for non-native speakers.

Key words: language interference, phonoscopic research, sources of formation of speech skills, Kyrgyz language, Russian oral speech, Russian-Kyrgyz bilingualism

For citation: Novoselova A.N., Liyaskina E.S. Detection of diagnostic signs of the Kyrgyz language influence on the Russian oral speech of non-native speaker during the phonoscopic examination. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 326–337. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.25

Введение. Влияние одной языковой системы на другую в научной среде является языковой интерференцией. Данное явление, возникающее в условиях языковых контактов, неизбежно ведёт к тем или иным изменениям норм языковых систем в речи инофонов в целом. Межъязыковое влияние является сложным феноменом, поскольку при говорении на неродном языке его неполная система восполняется элементами родного языка, в котором соответствующие структуры представлены в полной мере [1].

Особенно значимо фоноскопическое исследование языковой интерференции в условиях интенсивных миграционных потоков в Россию, так как позволяет выявить комплекс диагностических признаков родного языка инофона у участников международных преступных групп. В частности, по данным Министерства внутренних дел РФ, в 2025 году на территории Российской Федерации количество находившихся иностранных граждан составило 5,7 миллионов человек (по сравнению с 2024 годом сократилось на 8,6 %) ¹, которым в силу пребывания в русскоязычном окружении в целях успешной коммуникации и благоприятного сосуществования в социуме необходимо владеть, помимо родного языка, нормами русского языка. Вследствие этого в русскую речь инофонов проникают паттерны родного языка, формируя у инофонов уникальные для каждого языка признаки языковой интерференции.

Актуальность исследования обусловлена в том числе ростом количества преступлений, совершённых международными группами. Так, по данным Следственного комитета РФ, в 2025 году было зафиксировано 41 103 преступления, совершённых мигрантами, что увеличило на 7 % показатели предыдущего года ². Отметим, что рост произошёл несмотря на общее сокращение численности мигрантов в стране. Преступления, совершаемые мигрантами, правоохранительные органы раскрывают, используя в качестве доказательств результаты проведения фоноскопической экспертизы, которая диагностирует вероятный родной язык личности по голосу и речи, если подозреваемым является лицо, для которого русский язык неродной. Решение данных задач имеет доказательственное значение. Результаты экспертизы служат ценным ориентиром для следствия и судебной системы, позволяющим значительно сузить круг подозреваемых лиц.

Отличительные черты русско-киргизского двуязычия. С точки зрения генетической классификации, киргизский и русский языки принадлежат к разным семьям – алтайской и индоевропейской, а наличие тюркизмов в русском языке не свидетельствует об их родстве [2]. Генетическая неродственность языков обуславливает глубокие структурные различия на всех уровнях языковой системы.

Отличительными чертами киргизского языка являются: обширная система аффиксов, участвующих как в словообразовании, так и в словоизменении, грамматическая однозначность каждого аффикса, а также отсутствие чередований в корне слова. При проведении фоноскопического исследования эксперту необходимо иметь в виду выявленные нами на основе проведённого контрастивного анализа систем киргизского и русского языков следующие ключевые различия.

На лексическом уровне в киргизском языке преобладает тюркская лексика с заимствованиями из монгольского, иранского, арабского, русского языков; а в

¹ Миграционная ситуация [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 28.04.2026).

² Бастрыкин: число преступлений мигрантов выросло на 7 % за год [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/03/03/1180412-prestuplenii-migrantov> (дата обращения: 25.04.2026).

русском языке – исконно русская лексика с греческими, латинскими, церковнославянскими, тюркскими, английскими заимствованиями.

Основной особенностью морфологии киргизского языка является его агглютинативный характер: аффикс выражает одно конкретное грамматическое значение и присоединяется к основе слова последовательно. Например, слово «каттарымдын» (моих писем) имеет следующую структуру: корень «кат» (письмо), аффикс множественного числа «-тар», аффикс принадлежности первого лица «-ым», аффикс родительного падежа «-дын». Каждый аффикс имеет несколько фонетических вариантов, которые прикрепляются к слову согласно закону сингармонизма. Русский язык – флективный: одна флексия выражает несколько грамматических значений. Наряду с этим, в киргизском языке отсутствует категория рода; отличается от русского языка система падежей, а глагол способен выражать различные временные значения через контекст, сохраняя при этом неизменную форму.

На синтаксическом уровне в киргизском языке используется структура подлежащее-дополнение-сказуемое [3, с. 46]. Например, предложение «мен кат жазам», что в переводе на русский дословно означает «я письмо пишу». Русскому языку свойственна следующая структура нейтрального порядка слов в предложении: подлежащее-сказуемое-дополнение. Функцию предлогов в киргизском языке выполняют послелог, которые находятся в конце управляемого слова («кат столдо жатат» («письмо лежит на столе»), где аффикс «-до» обозначает послелог «на»). В русском предлоги занимают препозицию.

На фонетическом уровне в киргизском языке ударение является фиксированным, в большинстве случаев падает на последний слог, интонация носит вспомогательный характер: основные значения выражаются именно аффиксами. В русском языке ударение является свободным и подвижным, интонация отличается широким диапазоном тона (на это указывает интонационная система, описанная Е.А. Брызгуновой [4, с. 152–156]) и способностью различить тип высказывания без опоры на грамматические показатели.

На уровне звука главными отличиями вокализма киргизского языка от русского являются закон сингармонизма, согласно которому в слове используются гласные одного подъёма и признака огубленности, слабая редукция, смысло-различительная долгота гласных (например, «сото» (кукурузный початок) – «соттоо» (судить) – «сооттоо» (бронировать)), специфические фонемы [ɵ], [ʏ]. Консонантизм киргизского языка отличается несмыслоразличительной палатализацией, основанной на принципе сингармонизма, специфическими фонемами – увулярные [к], [ғ] и носовой [ң]. Спорными являются фонемы [в], [ж], [ф], [х], [ц], [щ] как заимствованные из иноязычных слов (в основном русских) [5, с. 7]. Вследствие влияния фонетических норм киргизского языка на русский на спектральной картине формант наблюдаются смещения эталонных для русского языка их значений.

Таким образом, в рамках типологической классификации киргизский язык определяется как агглютинативный. Русский язык относится к флективному ти-

пу, при котором грамматические значения выражаются внутри слова с помощью флексий, имеющих несколько грамматических значений, и изменения основы.

Языковая интерференция в русско-киргизском двуязычии. У. Вайнрайх теоретически обосновал понятие интерференции, интерпретировав его как «переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря» [6, с. 22]. Для фоноскопического исследования данное определение подразумевает необходимость учитывать возможные изменения заимствованных элементов, поскольку речевые навыки инофона формируются под комплексным влиянием двух языковых систем. Внедрение иностранных элементов может привести к появлению новых сочетаний фонем, изменению характерных артикуляций, а также к адаптации произносительных моделей, что важно учитывать при лингвистическом и акустическом анализе фонограмм в рамках фоноскопического исследования.

С точки зрения фоноскопического исследования утверждение Т.С. Балиашивили о том, что «языковая интерференция может существовать лишь при условии контакта двух языковых систем» [7, с. 70], является фундаментальным, поскольку интерференция представляет собой систематическое, предсказуемое и повторяющееся отклонение от норм целевого языка, обусловленное влиянием правил родного. Только при условии контакта двух систем можно отличить интерференцию от случайной ошибки и сделать корректный вывод о языковом происхождении диктора.

В отличие от них В.Ю. Розенцвейг [8, с. 28], М.В. Дьячков [9, с. 86], Н.Б. Мечковская [10, с. 172] рассматривают проявление интерференции как отклонение от норм одного языка под влиянием другого. На наш взгляд, такие отклонения предсказуемы, поскольку в языковом сознании инофона доминантная система родного языка выступает в роли своеобразного эталона, на который носитель ориентируется при построении высказывания на неродном языке.

Параллельное функционирование двух языков является предпосылкой возникновения языковой интерференции. В Кыргызской Республике продолжительное время сосуществуют два языка с различным генетическим и типологическим строем. Согласно ст. 13 Конституции Кыргызской Республики киргизский язык имеет статус государственного языка, а русский – официального³. По данным исследований языковой ситуации в стране киргизским языком владеют 76 % населения, русским – около 50 % [11]. Асимметричная языковая среда создаёт благоприятную почву для взаимопроникновения лексических, морфологических, синтаксических и фонетических элементов, особенно у билингов, выросших в смешанных семьях или получивших образование на двух язы-

³ Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Кыргызской Республики: сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru?anchor=r3> (дата обращения: 26.04.2026).

ках. В меньшей степени языковая интерференция проявляется у мигрантов – инофонов, приехавших в Россию и слабо владеющих русским языком.

В контексте русско-киргизского двуязычия языковая интерференция в той или иной степени проявляется на всех уровнях языка (за основу данного утверждения возьмём классификацию М.В. Дьякова, в рамках которой он выделяет фонетическую, морфологическую, лексическую и синтаксическую интерференцию [9, с. 85]). Зонами потенциальной интерференции для носителей киргизского языка в русской речи являются: вкрапление лексики киргизского языка, перенос порядка слов (подлежащее-дополнение-сказуемое), ошибочное употребление рода, пропуск или неверное употребление предлогов, ошибки в падежных окончаниях, отсутствие редукции гласных и более твёрдое произношение палатализованных в русском языке согласных звуков.

Ход исследования и полученные результаты. Для установления лингвистических признаков при производстве фоноскопической экспертизы необходимо провести исследование фонограмм, то есть выполнить лингвистический и акустический анализ согласно алгоритму проведения фоноскопической экспертизы.

При проведении исследования была записана женская речь в виде монолога носителей киргизского языка длительностью от пяти до шести с половиной минут с помощью приложения «Диктофон» на мобильный телефон Росо F5. Длительность записи определялась согласно правилам пригодности фонограммы для фоноскопических исследований [12, с. 63]. Предварительно формат записи был установлен на WAV-формат с высоким качеством звука, в котором нет искажений, свойственных сжатым файлам MP3.

Запись фонограмм проводилась в следующих условиях: комната площадью приблизительно одиннадцать квадратных метров с мебелью (стол и стулья), с окном без выхода на проезжую часть при искусственном освещении. Тема разговора – жизнь и работа – была определена списком вопросов, на которые дикторы отвечали в процессе своего монолога. Со списком вопросов дикторы были ознакомлены непосредственно перед записью фонограммы, чтобы их монолог получился свободным и неподготовленным. Таким образом обеспечивалась спонтанность речи и выявление в ней характерных особенностей речевых признаков каждого диктора.

После установления пригодности фонограмм и расшифровки дословного содержания образцов голоса и речи дикторов (знаки препинания расставлены по принципу разделения синтагм в звучащей речи, а не по грамматическим правилам) был проведён лингвистический анализ голоса и речи каждого диктора. Он выполнялся в соответствии с единицами структурных уровней звучащей речи – речевым потоком, фразой и словом, отдельным звуком – с соблюдением методики проведения фоноскопической экспертизы.

Учитывая уникальность голосовых и речевых характеристик каждого диктора, для выявления интерферентных признаков были выбраны те особенности, которые являются общими для говорящих. Выявленные признаки в примерах выделены полужирным начертанием.

В ходе анализа речевого потока нами были установлены следующие общие признаки.

Отмечены женские типы голоса средней высоты, с силой голоса ниже среднего уровня. Артикуляция имеет признаки смазанности (наблюдаются фрагменты с нечётким произнесением слов и размытым произнесением окончаний). Темп речи является переменным (в основном, ниже среднего, однако есть фрагменты с более быстрым темпом). Речевое дыхание соответствует норме. Паузы хезитации распределены равномерно и часто совпадают с грамматическими паузами. Преобладают длинные паузы, как незаполненные, так и заполненные нефонологическими образованиями (типа [а], [э], [м]), растянутыми сегментами слов («я хочу-у», «я-а-а, как, нигде-э») и вставными конструкциями («м-м, **как сказать**, не любишь»). Сбои речепорождения представлены запинками и самоперебивами («я **зд**- занимаюсь работа», «в **рес**- ресторане»). В речи дикторов присутствуют эпентезы («я-а **ф э ф** жила-а», «банкетный **ди**-ни»). Интонационная структура характеризуется средним мелодическим диапазоном. Интонация представлена средним мелодическим диапазоном речи. Частота основного тона (F0) распределена преимущественно в среднем регистре, значения F0 на кепстрограмме изменяются незначительно и плавно, однако наблюдается повышение тона в конце вопросительных предложений. В речи присутствуют случаи ненормативной постановки ударения в словах «пацаны», «не хотят», «молимся», «коллектив», «пасмурно».

На уровне речевого потока как наиболее значимые выявлены признаки интонации и артикуляции, присутствия эпентезы для облегчения произношения, поскольку остальные являются достаточно общими и могут наблюдаться у обширного круга лиц независимо от влияния языка.

Анализ уровня фразы и слова у дикторов выявил ряд общих характеристик.

Особенности синтаксических конструкций состоят в употреблении простых, сложносочинённых, сложноподчинённых и бессоюзных конструкций. Длина предложений варьируется от коротких до длинных с мало оформленными конструкциями. Преобладает прямой порядок слов с вариативной длиной предложений, часто с прямым порядком слов, иногда с инверсией («экономист я закончила», «я **из Кыргызстана** приходила»). Установлено содержание в речи эллиптических («и третий сын уже третий класс, а самый младший, пять годик», «у меня-а, м-м, утро, нормально»), уточняющих («массажистом работала потом и маникюром, **маникюр тоже делала раньше**»), вводных конструкций («например», «короче», «как сказать»), парцелляции («Нравится. И природа тоже хорошая, у нас жарко, например. Вот»), вопросно-ответной формы («Ещё что? М-м, а-а, где там я работаю у нас много банкеты будет», «Что мне н- не нравятся банкеты? В банкеты по-моему, мне всё нравится») и преобладание

простого отрицания (частица «не»). Повторы встречаются часто («только **работа дома, работа дома**», «**мне своё родина нравится, мне всегда мне свои родина нравится**»). Используются лексема «вот» как маркер смысловой завершённости («у меня мечта только-а быть там. **Во-от**») и указательно-усилительная частица («**вот** эта традиция мне понравилась»), частица «да» («девятый класс закончили **да**»). В речи дикторов наблюдается разговорная («братишка», «ваще», «светленько») и незнаменательная лексика («типа», «ну»), тюркизмы («намаз», «бешбармак», «самсе»). Выявлены грамматические нарушения в употреблении глаголов (использование будущего времени с помощью глагола «будет» вместо глагола «быть» настоящего времени: «у нас слишком жарко **будет** там» (регулярная погода, а не погода в будущем); «где там я работаю у нас много банкеты **будет**» (банкеты проходят постоянно, а не в будущем)). Также встречаются нарушения употребления частеречной принадлежности («экономист я закончила», «я иногда устаёшь **работу**»), числительных («мы **четверы**», «**двое** брата есть»), падежей («а когда **банкет** нету», «**у меня** тридцать один **лет**»), предлогов («**в** банкета», «и учи-ила университете», «просто курс ходила»). Нарушения норм согласования подлежащего и сказуемого («**все живёт** с семьей», «я иногда **устаёшь** работу»), рода («**свой** работа», «я всегда **уставший**», «**самый младший** я...» (женщина о себе говорит в мужском роде)), числа («**мальчик** украли», «**свои** родина»). Отмечаются случаи неверного словообразования («беспонятная», «после замужа»).

На уровне звука было проведено два вида анализа: акустический микроанализ (определение с помощью технических средств формантных характеристик гласных звуков) и аудитивно-лингвистический (установление особенностей звукового произношения на основе слухового восприятия).

Акустический микроанализ представляет из себя определение значения формант гласных звуков. Форманта – области усиленных частот в спектре звука. Эталонные показатели формант русских гласных звуков установил в своих исследованиях Г. Фант [13, с. 266]. Микроанализ проводился на фонетически сопоставимых ударных звуках, то есть предварительно в дословном содержании были найдены одинаковые триады (последовательность из трёх звуков, в центре которых находится исследуемый звук) в речи всех дикторов, которые выделены в следующих словах:

1) в образцах диктора-1: кыргызстана, нравится, там, работала, новгороду, много, лет, здесь, нету, трицать (тридцать), нижнему, традиция;

2) в образцах диктора-2: кыргызстан, нравится, там, работаю, новгороде, много, лет, здесь, нет, трицать (тридцать), нижнем, традиций.

Наглядно в качестве примера значения установленных формант представлены в виде таблицы анализа формант двух дикторов (Таблица 1). Косой чертой в триадах указана мягкость согласного звука.

Таблица 1. Установленные значения формант гласных звуков в образцах голоса и речи дикторов-киргизов на русском языке с женским типом голоса.

Триада	Гласный звук	Диктор-1 / Диктор-2			
		F1	F2	F3	F4
тан	[а]	613 / 650	1682 / 1849	2699 / 2676	3920 / 4166
рав/		670 / 714	1677 / 1778	2712 / 2629	4016 / 4194
там		615 / 644	1782 / 1657	2530 / 2646	4046 / 4043
бот	[о]	476 / 454	1380 / 1423	2519 / 2595	4022 / 4105
нов		493 / 461	1314 / 1207	2536 / 2558	3943 / 4035
ног		459 / 445	1330 / 1092	2452 / 2294	4060 / 4034
л/ет	[э]	426 / 443	2036 / 2119	2667 / 2945	3970 / 3931
д/ес/		482 / 430	2105 / 2232	2684 / 3049	4033 / 4126
н/ет		493 / 423	1829 / 2140	2791 / 2957	3931 / 3714
р/иц	[и]	343 / 356	1920 / 2030	2740 / 2807	3948 / 3995
н/иж		362 / 317	2125 / 2154	2706 / 2721	3992 / 3945
д/иц		336 / 327	2190 / 2123	3093 / 3278	4123 / 3994

Исследование формант гласных звуков у носителей киргизского языка выявило отличия от русских эталонных значений, что обусловлено влиянием норм фонетического строя киргизского языка в речи инофонов. В частности, более высокие характеристики F1 и более низкие характеристики F2 гласного [и] свидетельствуют о более низком подъёме и более задней по ряду артикуляции данного звука у носителей киргизского языка по сравнению с примерными значениями русского языка (F1 – 220–240 Гц; F2 – 2220–2250 Гц). Наряду с этим, более высокие показатели F2 гласного [о] (примерные значения русского языка F2 – 780–900 Гц). Также, более высокие значения F2 для гласного [о] (в сравнении с русскими 780–900 Гц) указывают на более переднее положение языка при его произношении, что делает звук менее огубленным (менее лабиализованным).

Аудитивно-лингвистическим анализом установлены следующие особенности произношения отдельных звуков.

У дикторов установлены такие признаки вокализма как акцентированное затягивание фонации ударных гласных в словах, на которые падает логическое ударение, менее лабиализованный звук [о] («работая», «работать поваром»), частое использование более открытого и отодвинутого назад звука [и], похожего на [ы] («тридцать семь», «любимый город», «тридцать один»). Отмечаются случаи недостаточной качественной и количественной редукции безударных гласных, находящихся в первой («у меня мечта», «всегда бессонный будет») и

второй безударной позиции («в рес- ресторане», «у меня маме», стяжения гласных звуков в один слог («эту традицию», «у нас традиции»).

Консонантизм зафиксирован в виде произнесения одноударного звука [p] («хорошее настро^еение», «просто курс ходила»), увулярного звука [x] («хочет не хочет они», «с утра прих- прихожу-у»). Отмечаются случаи употребления смычного согласного [t] вместо аффрикаты [ч] («не хочешь заму^ж», «внучки е- есть»), употребления мягкого смычного [t'] («традиции у нас») или мягкого щелевого [c'] («шесть меся^цев») вместо аффрикаты [ц], согласного [ш] вместо [щ] («все с^частливы», «только жен^щину»), апикального звука [n] вместо дорсального в позиции абсолютного конца слова («третий сын», «Нурхан»). Наблюдаются случаи выпадения звука [в] в словоформах лексики «нравиться», отдельные случаи выпадения звука [t'] в слове «есть», звука [д'] в слове «здесь».

Установлены такие фонетические процессы как недостаточная палатализация согласных звуков («в Москве-э», «я родилась», «тридцать семь»), чрезмерное увеличение длительности согласных [t], [c] в позиции абсолютного конца слова («тридцать семь лет», «но-о у нас», «и потом началась»). Характерны случаи отсутствия ассимиляции по звонкости («в [ф] России», «надо сделать»), и по глухости («подружка была»), неоглушения звонкого согласного на конце слова («коллектив очень хороший», «вышла заму^ж»), упрощение фонетического состава частотных слов: «щас», «ваще-то», «нельзя» (упущение «ль»).

Заключение. Авторы пришли к выводу, что диагностически значимым является комплекс признаков, включающий:

- отличие формантных характеристик гласных ([и] – более задний, [о] – менее огубленный);
- специфический консонантизм (одноударный [p], увулярный [x], замена аффрикат);
- недостаточная редукция гласных и эпентезы;
- грамматические нарушения согласования, падежей, предлогов, времени глаголов;
- наличие тюркизмов.

Выявленные в результате анализа на основе экспериментальных фонограмм устной спонтанной монологической речи дикторов-инофонов признаки русско-киргизского двуязычия могут встречаться у любого диктора-инофона, речевые навыки которого сформировались. Для более точного установления источника формирования речевых навыков необходимо рассматривать выявленные нами признаки в совокупности. Именно комплекс признаков служит маркером влияния киргизского языка на русскую устную речь у инофонов. Наличие системы маркеров при проведении диагностики языкового происхождения диктора по признакам его звучащей речи экспертом имеет практическое значение. Диагностический комплекс поможет установить источники формирования речевых навыков диктора при производстве фоноскопической экспертизы, выводы которой будут служить ориентиром для правоохранительных органов и судебной системы.

Список источников

1. Кенжебаева Ж.Е. Переключение кода: основные направления исследования / Ж.Е. Кенжебаева // *Colloquium-Journal*. – 2020. – № 19 (71). – С. 22–25. – DOI 10.24411/2520-6990-2020-12067.
2. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 584 с.
3. Хулхачиева-Байтерекова Ж.С. Киргизский язык без репетитора: самоучитель киргизского языка / Ж.С. Хулхачиева-Байтерекова. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 320 с.
4. Князев С.В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для вузов / С.В. Князев, С.К. Пожарицкая. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 380 с.
5. Биялиев К.А. Справочник по грамматике кыргызского языка / К.А. Биялиев. – Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2013. – 128 с.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 343 с.
7. Балиашвили Т.С. Интерференция как проблема двуязычия / Т.С. Балиашвили. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1988. – 213 с.
8. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В.Ю. Розенцвейг. – Ленинград: Наука, 1972. – 80 с.
9. Дьячков М.В. Проблемы двуязычия (многоязычия) и образования / М.В. Дьячков. – М.: Ин-т нац. проблем образования МО РСФСР, 1991. – 104 с.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев: 2-е изд., испр. / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
11. Чехляева С.С., Павлов А.С. Русский язык в Киргизии: реалии и перспективы / С.С. Чехляева, А.С. Павлов // *Международные отношения*. – 2023. – № 4. – С. 95–111. – DOI 10.7256/2454-0641.2023.4.43557.
12. Захаров Р.И., Павличенко Г.В. Речеведческие экспертизы: учебное наглядное пособие / Р.И. Захаров, Г.В. Павличенко; под ред. Т.Б. Радбиля. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2024. – 93 с.
13. Каганов А.Ш. Звучащая речь как объект криминалистической экспертизы: учебное пособие для вузов / А.Ш. Каганов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 270 с.

References

1. Kenzhebaeva Zh.E. Switching the Code: Main Directions of Research. *Colloquium Journal*, 2020, no. 19 (71), pp. 22–25. (In Russian).
2. Shaposhnikov A.K. (comp.). Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. Moscow, Flinta, Nauka, 2010. 584 p. (In Russian).
3. Khulkhachieva-Bayterekova Zh.S. Kyrgyz Language Without a Tutor: A Self-Study Guide to the Kyrgyz Language. Moscow, AST Publ. House, 2025. 320 p. (In Russian).

4. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. Modern Russian Language. Phonetics: A Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2024. 380 p. (In Russian).
5. Biyaliev K.A. Reference Book on the Grammar of the Kyrgyz Language. Bishkek, Kyrgyz-Russian Slavic University, 2013. 128 p. (In Russian).
6. Weinreich U. Languages in Contact. Kiev, Vishcha shkola, 1979. 343 p. (In Russian).
7. Baliashvili T.S. Interference as a Problem of Bilingualism. Tbilisi, Tbilisi University Publ. House, 1988. 213 p. (In Russian).
8. Rozentsveyg V.Yu. Language Contacts: Linguistic Issues. Leningrad, Nauka, 1972. 80 p. (In Russian).
9. Dyachkov M.V. Problems of Bilingualism (Multilingualism) and Education. Moscow, Institute of National Problems of the Ministry of Education of the RSFSR, 1991. 104 p. (In Russian).
10. Mechkovskaya N.B. Social Linguistics: A Textbook for Students of Humanities and Lyceum Pupils. Moscow, Aspekt Press, 2000. 207 p. (In Russian).
11. Chekhlyayeva S.S., Pavlov A.S. The Russian Language in Kyrgyzstan: Realities and Prospects. *International Relations*, 2023, no. 4, pp. 95–111. (In Russian).
12. Zakharov R.I., Pavlichenko G.V. Forensic Speech Expertise: An Educational Visual Aid. Ed. by T.B. Radbil. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University, 2024. 93 p. (In Russian).
13. Kaganov A.Sh. Sounding Speech as an Object of Forensic Expertise: A Textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2025. 270 p. (In Russian).

Информация об авторах

Новосёлова Антонина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы

Лияскина Евгения Сергеевна – студентка 5 курса кафедры судебной экспертизы

Information about the Authors

Novoselova Antonina Nikolaevna – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Forensic Science Department;

Liaskina Evgeniya Sergeevna – Fifth-Year Student, Forensic Science Department

Статья поступила в редакцию 11.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2026 г.; принята к публикации 24.07.2026 г.

The article was submitted 11.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 24.07.2026.